

ВЫРЕЗАТЬ НА КОСТЯХ,
ЗАПЕЧАТЛЕТЬ
В СЕРДЦЕ

Линь Ся

18+

Линь Ся

**Вырезать на костях,
запечатлеть в сердце**

«Автор»

2026

Ся Л.

Вырезать на костях, запечатлеть в сердце / Л. Ся — «Автор»,
2026

Ши Фэн привык быть нестигаемой скалой. В теле Лин Мэй годами жила демоническая энергия. Они преодолели годы взаимной ненависти, сбежали от кланов и справились с проклятием. Теперь они поселились в тихой горной деревушке. Звучит как конец истории. Но это лишь начало. В мире цзянху не существует прощения - лишь месть и защита чести. Клань не отступят, старые враги вернутся. А новые прорастут из обычной зависти. И ещё неизвестно, что страшнее - меч или шёлковое платье соперницы. Теперь им предстоит не только выжить, но и пробить скорлупу собственных щитов и страхов. Где лежит грань между упёртым желанием справляться самостоятельно и заботой о том, кого любишь? Как научиться доверять, если тебя окружали интриги и предатели? Как построить семью, если это слово для тебя - не тепло, а клетка?

© Ся Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вырезать на костях, запечатлеть в сердце

Пролог

Лин Мэй дёрнула Ши Фэна за рукав, заставляя остановиться. На его спине расплзлось красное пятно от открывшейся раны.

— Надо перевязать, — тихо сказала она.

Ши Фэн покачал головой. Всё тело ныло, в голове стоял гул от потерянной ци¹. Адреналин давно отпустил, и теперь было даже хуже, чем после битвы. Но пропала и цель, что держала на пути к Источнику Разделения. Остались только боль и острое желание выбраться из Долины как можно быстрее. Он молча сделал шаг вперёд, но Лин Мэй не отпускала ткань рукава. Он глубоко вдохнул, собирая жалкие остатки сил, и указал рукой в сторону скал.

— Остался всего ли², идём.

Он упорно пошёл вперёд, а Лин Мэй больше не пыталась остановить. Кажется, она должна была волноваться за него, но слышала лишь едва слышный шёпот тревоги внутри. Или просто показалось?

¹ внутренняя энергия человека.

² 500 м

Глава первая

Солнце в предгорьях окрашивало склоны в бархатистые оттенки охры и выгоревшей зелени. Пыль, поднятая копытами единственного утреннего мула и босыми ногами погонщика, медленно кружила в воздухе, превращая солнечные лучи в осязаемые столпы света.

Деревня Цюйтан, затаившаяся на берегу реки Байшуцзян, медленно просыпалась под тёмным, волнистым сланцем крыш, чьи загнутые края рождали причудливые тени на отштукатуренных фасадах. Сладковатый дым сандаловых палочек смешивался с терпким ароматом свежесваренного чая.

Главная улица, мощеная отполированным до зеркального блеска речным камнем, была пустынна. Лишь стайка воробьев деловито скакала по влажному булыжнику. Но деревня уже была наполнена жизнью: звонкий смех тётушки Цзинь доносился из открытого окна спальни, запах жареного кунжутного масла вился от дома гончара Гэна, слышался далекий плеск мельничного колеса.

Лин Мэй вышла на крыльцо, и утренний свет мягко лёг на неё, заставляя прищуриться. Она сладко потянулась и откинула за спину длинную косу. Последние полгода покоя стёрли остатки детской округлости, но лицо по-прежнему сохраняло ту хрупкость, что заставляла людей считать её беззащитной. Только в больших глазах цвета тёмного мёда, читалась взрослая, выстраданная глубина.

В тишину утра ворвались крики со стороны домов вдовы Ли и дедушки Вэя:

— Старый хрыч! Я только капусту посадила, а коза твоя всё вытоптала!

— А кто в этом виноват?! Ты когда забор заделаешь?

— Это я ещё должна...

— А кто?!

Лин Мэй усмехнулась, сдула со лба несколько непослушных прядей и, поёжившись, сунула руку в дом за серым жилетом. Раннее весеннее солнце приятно припекало, но ветер, всё ещё студёный с зимы, давал о себе знать.

Босые ступни коснулись влажной от росы травы, и Лин Мэй бегом бросилась к небольшому колодцу, на ходу закатывая рукава пыльно-голубой рубашки. Ледяная вода обожгла щёки, мурашки разбежались по телу в разные стороны, а на щеках выступил румянец.

Ши Фэн вышел из дома, отряхивая рукава строгого, тёмно-синего ханьфу от муки. Его черты лица, бывшие и без того гармоничными, обрели законченность: скулы стали чётче, линия подбородка — твёрже. А в карих глазах феникса³ поселилось странное сочетание — озорства и лёгкого раздражения.

Он прислонился плечом к деревянной колонне, губы почти улыбнулись, но взгляд зацепился за ступни Лин Мэй.

— И почему ты опять без обуви?

Лин Мэй обернулась и, ловко подпрыгнув, повисла у него на шее, поджимая ноги.

— А зачем мне обувь, если есть ты?

Ши Фэн крепко прижал её рукой к себе, но соорудил самое недовольное выражение лица, на которое только был способен.

— Несправедливо! Я колю дрова, ношу воду, а теперь ещё и тебя таскать. В кузнице сил не останется.

— Враньё!

³ миндалевидные глаза с приподнятыми вверх наружными уголками, часто ассоциируются с красотой и благородством.

Лин Мэй нагло потыкала его пальцем в щёку, с удовольствием наблюдая, как его и без того не особо умелое грозное выражение лица, растворяется, превращаясь в улыбку. Ши Фэн не выдержал и молниеносно подхватил её под коленями, поднимая вверх.

— Ай! — взвизгнула Лин Мэй. — Чего так резко?

— Это была маленькая месть, — пояснил он, усаживая её за низким столиком.

— За что? — возмутилась она, принимая из его рук пиалу с чаем. — Я сегодня ещё даже ничего не успела натворить!

Он невозмутимо отпил из своей чашки.

— Превентивные меры. На прошлой неделе ты рассказала всей очереди у травника, как я пытался починить забор и прибил себе рукав к доске.

— Это же было смешно! А вдова Ли сказала, что ты трудолюбивый.

Ши Фэн погрозил ей пальцем. Лин Мэй хитро на него посмотрела и схватила тёплую булочку, с удовольствием откусывая кусок. Но молчать она смогла ровно до того момента, пока не доела.

— Просто я хочу проверить, когда у жителей деревни сдадут нервы. Как думаешь, кто первый не выдержит: вдова Ли, которая будет следить за нами из-за забора, или мельник, когда ты снова понесешь меня через всю деревню вверх тормашками?

Ши Фэн медленно поднял бровь.

— Ты хочешь довести до белого каления всё население Цюйтана?

Она сделала невинное выражение лица и похлопала ресницами.

— Не всё! Только самых стойких.

Лин Мэй хлопнула в ладоши от удовольствия. Этот шуточный план ей очень нравился. Однако работа не ждала. Лин Мэй направилась к двери, но на пороге задержалась.

— Вечером я всё-таки постараюсь не виснуть прилюдно у тебя на шее.

— Обещание, достойное императорского указа! Но что-то мне подсказывает, что к закату ты о нём благополучно забудешь.

— Скорее всего, — сказала она, выбегая за дверь, оставив дома эхо своего звонкого смеха.

На массивных стеллажах травницей стояли сотни ящичков, баночек, мешочков, аккуратно помеченных иероглифами. С потолка свисали гирлянды сушёных трав, связки корней и сушёные грибы. В глубине комнаты, у небольшого очага уже суетился Лао Чэнь.

— Доброе утро, дедушка!

Он даже не обернулся, только кинул через плечо:

— Заказы.

Лин Мэй посмотрела в список, лежавший на деревянной стойке. Настойка из цветов жимолости для семьи рыбака Мэна, чей сын слег с воспалением в лёгких. Она пробежалась по полкам и собрала всё необходимое.

— Пропорции помнишь? — прохрипел Лао Чэнь, длинный, крючковатый нос тут же сунулся через плечо девушки. — Ни капли больше, ни капли меньше. Огонь — только тлеющие угли. Помешивай палочкой из персикового дерева.

Стоило послеполуденному солнцу пробиться сквозь пыльное окно, Лао Чэнь сварливо повторил вчерашнюю угрозу: «Выброшу всё, если к вечеру не будет готово к сушке». Лин Мэй усмехнулась и устроилась на полу, подстелив циновку. Пыль щекотала нос, горьковатый запах заполнял лёгкие. Она чихнула и тут же засмеялась.

Когда последний пучок полыни был аккуратно разложен на сушильных рамках, лучи уже окрашивали пол в травницей в бледно-розовые тона. Лао Чэнь протянул небольшой свёрток, туго перевязанный бечёвкой.

— Мельнику, — буркнул он. — Мазь для спины.

Лин Мэй была уверена, что старый травник специально придумал это поручение на конец дня, давая ей повод уйти до наступления темноты, но при этом сохраняя видимость суровой требовательности. Она не знала, в какой момент так привыкла к его ворчанию, что не могла представить себе ни дня без этой сухой заботы.

Лопасты мельницы уже не крутились, лишь едва слышный плеск воды в реке нарушал вечернюю тишину. Лин Мэй ещё издали завидела, что мельник сидит в беседке во дворе. Его грузную, да ещё и такую высокую фигуру было сложно не заметить.

— Дядюшка Цзянь, — крикнула она.

Тучный мужчина с розовыми щеками тут же повернулся.

— А, Мэй-цзы⁴, заходи!

Лин Мэй ускорила шаг и увидела, что он сидит не один. Напротив сидела незнакомая девушка, словно журавль, случайно залетевший в курятник. Белая тонкая кожа, персиковое изысканное ханьфу с широкими рукавами, сложная причёска со множеством поблёскивающих на закатном солнце шпилек.

Рядом с ней Лин Мэй внезапно почувствовала себя неловко, бросила критический взгляд на запачканную юбку и сунула свёрток в руку Цзяню, не поднимая глаз.

— Это моя дочь, — зататорил мельник. — Сяо Цинь. В городе училась, вот только вернулась. Так я рад, что она наконец дома. Три года её не видал. Наставник её всему обучил: и на цине⁵ играет, и поэзию знает, а какая у неё теперь каллиграфия! Сами писцы императора бы обзавидовались. Она чуть старше тебя, но, думаю, подружитесь.

Лин Мэй немного ступсела от такого напора и потока информации. Да и его наивное «подружитесь» вызывало скорее непонимание, но она повернулась к девушке и вежливо представилась. Сяо Цинь чуть склонила голову, рассматривая её. Всего пара сердцебиений, движение глаз, охватившее её с головы до ног, было едва заметным, но Лин Мэй показалось, что дочь мельника проглотила её взглядом насквозь.

— Батюшка многое успел рассказать, про тебя с Ши Фэном тоже. Так хорошо, что вы решили поселиться в Цюйтане. Здесь не хватает молодых и образованных.

— Хорошо, что вы... ты вернулась домой, — ответила Лин Мэй.

Сяо Цинь, услышав эту заминку, улыбнулась и понимающе закивала.

— Я тоже отвыкла от деревенской простоты, но ничего...

— Сяо Цинь!!!

А-Тао, дочь гончара, забыв про всё от радости, бежала по дорожке к мельнице, приподняв юбку, и сверкала голыми лодыжками. Рядом быстро шла Сяо Юэ, улыбаясь во весь рот.

Бурная радость девушек обрушилась на Сяо Цинь, словно ураган. Они обнимались, прыгали вокруг, повизгивали от восторга. Лин Мэй кивнула мельнику и уже собралась тихо улизнуть, но её уход не остался незамеченным.

— Ты куда? — возмущённо сказала А-Тао, хватая девушку за запястье. — И так никуда не ходишь! Нельзя же только работать и дома сидеть!

— А тут такой повод, — поддакнула Сяо Юэ, поправляя шпильку.

— Можно я хотя бы Ши Фэна предупрежу?

— Да переживёт он один вечер без тебя, — сказала Сяо Юэ, подталкивая её в спину. — Мы у меня уже стол накрыли, посидим, поболтаем.

Спорить было бесполезно и невежливо, но тревога тут же заскребла когтями внутри. Лин Мэй совсем не хотелось заставлять Ши Фэна переживать, да ещё и по такому глупому поводу. Но и объяснить девушкам, что её отсутствие будет воспринято не как «ушла в гости» и даже не

⁴ суффикс, придающий обращению неформальность и оттенок теплоты.

⁵ китайский щипковый музыкальный инструмент.

«с кем-то шляется», а как «смертельная угроза», она не могла. Оставалось только надеяться, что кто-то из соседей предупредит.

Тётушка Цзинь, невысокая и кругленькая, сутилась на кухне, расставляя всё новые и новые тарелки на столе, хотя там уже и так не было места. Девушки не переставали щебетать всю дорогу и теперь, зайдя в дом, что скрыл их от чужих ушей, распоясались окончательно. Лин Мэй не успевала уловить и половины слухов в потоке речи, и в этот момент ей казалось, что она живёт в какой-то другой деревне. И это при том, что словоохотливые тётушки в травнической и так разбалтывали чужие секреты, о которых их никто не просил.

А-Тао взахлёб пересказывала, кто на кого смотрел на прошлом празднике, и Сяо Юэ поддакивала, вспоминая, что сама видела, как А-Фу провожал взглядом дочь рыбака. Тётушка Цзинь тут же вклинилась в разговор, грозя девочкам пальцами, чтобы не вздумали связываться с «этим напыщенным Мао, что ни одной юбки не пропускает».

Сяо Цинь, несмотря на свой городской лоск и манеры, которые поначалу казались надменными, быстро сбросила эту кожу, погружаясь в знакомый мир сплетен и новостей. Она с горящими глазами выпрашивала, кто из девок помолвлен, а кто только собирается. Вопросы про личную жизнь перемежались интересом к пожару зимой, покупке новой скотины, осеннему потоку. А затем она вновь ныряла в пучину деревенских страстей, выясняя, разошёлся ли рыбак Мэн с женой, побивает ли свою жену столяр Ли.

Лин Мэй не знала, куда себя деть, что сказать и чувствовала себя утопающим в море, которого накрывают волны, готовые вот-вот потопить его окончательно.

— А ещё, А-Дэ посватался к Сяо Юй! — воскликнула А-Тао. — Там целая шкатулка с украшениями была. Золотыми! И откуда у него столько денег?

— Ничего-то вы не знаете, — запричитала тётушка Цзинь. — У него дядя в чиновниках служит! Завидный жених... был. А вы прохлопали!

А-Тао захихикала и ткнула Лин Мэй локтем бок.

— Самого завидного всё равно Мэй-цзы захапала. Высокий, красивый, сильный, как небожитель. И откуда только взяла?! Да ещё и кузнец. А кто у нас ещё нормально денег получает?

Девушки активно закивали, а Лин Мэй уставилась в стол, чувствуя, как тело предаёт её, посылая щекам сигнал «покраснеть». Но прилипчивый стыд не остановился и пополз к ушам. В такие моменты она ненавидела Ши Фэна за то, что ему даже делать ничего не нужно было, чтобы привлекать внимание и быть «завидным». Была в этом и некая ирония, что она осознала это только после того, как они осели в деревне.

Сяо Цинь с интересом на неё посмотрела.

— Батюшка сказал, вы — мастера боевых искусств. Правда?

Лин Мэй ещё больше смутилась и осторожно ответила:

— Я владею мечом, но мне далеко до Ши Фэна.

И теперь боялась, что сейчас начнётся: «А где вы учились? А почему ушли? А откуда вы родом?» Ни на один из этих вопросов у неё не было безопасного ответа.

— Вот глупая, — сказала тётушка Цзинь, хлопая Лин Мэй по плечу. — Гордилась бы, а не стеснялась.

Девушки посмеялись и вновь увлеклись предстоящей свадьбой А-Дэ и Сяо Юй, Лин Мэй вздохнула с облегчением.

Спустя несколько часов непрекращающегося трёпа, Лин Мэй влетела в калитку дома. Голова трещала от информации, чужих взглядов и секретов деревни. Ши Фэн сидел посреди двора с закрытыми глазами в медитации.

— Прости, — тихо сказала Лин Мэй.

Он медленно открыл глаза.

— Всё хорошо, вдова Ли видела, как тебя уводили. В деревне нет секретов.

Лин Мэй хихикнула и потянула:
— О! Это тебе только так кажется!

Глава вторая

Ши Фэн проснулся ещё до рассвета. Его взгляд скользнул по спящей на кровати у другой стены Лин Мэй. Она свернулась клубком, из-под одеяла торчали только спутанные волосы и часть кисти. Он улыбнулся и бесшумно встал.

Рука потянулась к даоб⁶ в тёмных ножнах — массивному и безмолвно-грозному. Особенно на фоне её цзяня⁷. Её меч был полной противоположностью — почти невесомый клинок. На эфесе вился цветок сливы — вечное напоминание о её имени и стойкости. Рукоять была переплетена шнуром так, что узор напоминал плетение корзины для трав — частица мирного быта, вплавленная оружие.

Ши Фэн шёл долго. Туда, где река делает крутой изгиб, а скалы подступают к самой воде — туда, куда не забредают даже рыбаки. Здесь, в каменном мешке, скрытом от посторонних глаз, он мог позволить себе то, чего не позволял в деревне — быть собой настоящим.

Он закрыл глаза, ци хлынула из дантяня⁸ в клинок. Ши Фэн не думал, просто позволили телу действовать. Первый выпад — и воздух разошёлся в стороны, как от удара хлыста. Огненная вспышка сорвалась с лезвия и лизнула камни у воды, оставив на них чёрный след. Быстрые, яростные, взрывные техники Алых Облаков, что изучались с раннего детства, всегда просыпались первыми.

Пар ещё вился над рекой, когда движения Ши Фэна замедлились. Плавная, текучая энергия разлилась по клинку. Затем — другое движение. Техники клана Нефритового Стержня легли на его плечи, как нелюбимая, но привычная одежда. Защитные круги расходились от него по воде, заставляя реку замедлять бег. Нити оплетали воздух, создавая невидимую сеть.

Он свёл ладони, и две противоположные энергии встретились. Ярость и гибкость. Дао задрожал, принимая обе силы разом. Алые всполохи закрутились вокруг лезвия, оплетённые нефритовыми нитями. Воздух под ударами перестал гудеть — он расступался и схлопывался под невыносимыми ударами.

Дао завис в воздухе, вращаясь, и исчез на миг. Восемнадцать клинков выросли из пустоты и закружились вокруг Ши Фэна, рассекая воздух с протяжным, низким свистом. Он не атаковал, просто позволял им занимать своё место в смертельном узоре.

Ши Фэн медленно опустил руку, и клинки один за другим угасли. Дао, что снова был цел, скользнул в ножны за спиной. Тишина накрыла ущелье плотным одеялом. Даже река, казалось, текла тише.

Ши Фэн опустил на плоский камень у воды, скрестил ноги и закрыл глаза. Дыхание выровнялось, ци успокоилась, замедлилась. Он отпустил всё и наполнился одновременно. Недовольное шипение реки, грозный ветер в кронах, остаточная дрожь в камнях. Он слушал и сливался с местом, как учили даосы. Не управлять — позволять. Не приказывать пространству — слышать, чего оно хочет само. И двигаться с ним в такт.

Когда он открыл глаза, небо на востоке только начинало сереть. Он размял плечи и пошёл обратно к деревне — обычный кузнец, который просто вышел прогуляться перед работой. Только камни у воды ещё хранили тепло от его огня, но к рассвету остынут и они.

По пути в кузницу, Ши Фэн наблюдал, как деревня постепенно оживала: старик Чжоу выносил клетку с певчими птицами, чтобы подышали утренним воздухом, а с порога своей мастерской столяр Ли уже заносил рубанок над свежей доской. Деревянная стружка, закручи-

⁶ традиционное китайское однолезвийное оружие, клинок обычно изогнут, но у Ши Фэна прямой.

⁷ классический прямой меч с двусторонней заточкой.

⁸ энергетический центр, место хранения жизненной энергии (ци).

ваясь в спираль, падала к его ногам. Гончар Гэн сладко потягивался на крыльце, будто не слышал спора А-Тао и А-Фу, что в очередной раз поругались из-за какой-то мелочи.

Повернув за угол, он увидел знакомое низкое строение с широким зевом двери, откуда валил густой дым, пахнувший раскалённым металлом и горящим углём. Переступив порог, Ши Фэн на мгновение задержался, давая глазам привыкнуть к полумраку. Хуан-шифу, не говоря ни слова, кивком указал на подготовленный угол с наковальней и развешанными инструментами. А-Гуй встрепенулся и начал качать мехи с усердием.

Рабочий день в кузнице был размеренным и жарким. Воздух дрожал от зноя, плавился над горном и окутывал всё свинцовой тяжестью. Заказы были разными: подковы для деревенской лошади, новые зубья для бороны сломанного плуга, дырявые котелки, новые топоры. Хуан-шифу, приземистый, словно вырубленный из гранита, лишь кивал, указывая на заготовку. Высокий и худощавый, словно жердь, А-Гуй, что работал подмастерьем всего месяц, суетился. И Ши Фэн никак не мог решить, чего от него больше: вреда или пользы.

Хуан-шифу в редкие моменты хрипел:

— Мягче. Ты не врага кромсает, форму рождаешь.

Перед закатом, когда жара спала и в кузницу заглянула первая прохлада, Хуан-шифу смахнул пот со лба.

— Достаточно на сегодня. На праздник пора.

— Какой праздник? — удивился Ши Фэн.

— Ну как же! — А-Гуй подскочил к нему и затараторил. — Дочь мельника из города приехала. Говорят... красotka, каких свет не видывал. Настоящая небожительница, спустившаяся с небес! Умная, образованная, красивая, добродетельная.

Он замолчал и мечтательно уставился в стену, будто она там стояла. Хуан-шифу неодобрительно покачал головой и подтолкнул подмастерье к выходу. Ши Фэн покосился на груды недоделанных заказов, но пошёл умыться, потому что точно знал, Лин Мэй не простит ему, если он оставит её там одиночестве.

Пир в амбаре был в самом разгаре. Воздух гудел от голосов, смеха и звона пиал. В центре на огромном деревянном столе дымились миски с тушёной бараниной в тминном соусе, жарились на открытом огне рыбины с имбирём, а знаменитые пирожки вдовы Ли с начинкой из свинины и зелёного лука исчезали с подносов быстрее, чем успевали их подносить.

Сяо Цинь и мельник Цзянь сидели на почётном месте рядом со старостой. Их постоянно окружали люди, подходили с поздравлениями, поднимали тосты. Резвая дочь ткача Вэя подбежала, чтобы подарить засушенный цветок, неловко прижимая его к груди, и тут же убежала обратно к матери.

Лин Мэй сидела рядом с Лао Чэнем, опустив щёку на руку. Ши Фэн опустился рядом и заполнил её пустую тарелку острой курицей, бамбуком и несколькими паровыми булочками.

— Ешь! Уверен, ты за весь день и не вспомнила про еду.

Лин Мэй вздрогнула и уставилась сначала на Ши Фэна, а потом на тарелку. Она даже не заметила, как глубоко провалилась в свои мысли. Лин Мэй чуть прижалась к его плечу и схватила палочки.

Раздался громкий голос Сяо Цинь:

— Предлагаю тост! За то, чтобы отныне жизнь в нашей деревне была полной чашей счастья и благополучия!

Все дружно подхватили. Но когда шум стих, девушка не села. Лин Мэй отвлеклась от еды и с интересом рассматривала Сяо Цинь. Она стояла, изящно держа чашу, смотря на остальных светло-кариими глазами лепестков персика⁹. На ней было платье из нежно-сиреневого шёлка,

⁹ длинные и слегка изогнутые глаза с лёгким покраснением на кончиках. При улыбке превращаются в изогнутые полумесяцы. Символизируют мягкость и очаровательность.

расшитое серебряными журавлями. И Лин Мэй ничего не приходило на ум, кроме павлина, затесавшегося в стаю гусей.

— Говорят, Ши Фэн не только мастер меча, но и искусный кузнец. А я как раз привезла из города кое-что интересное — чёрный металл с таинственными прожилками. Никто в наших краях не знает, как с ним работать. Это был бы достойный вызов для настоящего мастера.

Просьба, обнародованная перед всей деревней, показалась Ши Фэну странной. Хуан-шифу был старшим мастером, и по всем обычаям обращаться следовало к нему. Почему она выбрала его? И зачем при всех? Он посмотрел на Хуан-шифу, но тот уже увлёкся вином, не смотря на осуждающие взгляды жены, и не обращал внимания на происходящее.

— Всякий металл подчиняется огню и силе, — ответил Ши Фэн. — Я взгляну, но у меня мало опыта. Тебе лучше обратиться к Хуан-шифу.

Сяо Цинь ослепительно улыбнулась.

— Я завтра же принесу этот материал в кузницу! Ши Фэн, уверена, только твои руки смогут подчинить такую капризную руду.

Лао Чэнь наклонился к Лин Мэй и выдал недовольную, тихую тираду о том, что Сяо Цинь вся в отца, только командовать любит. А после учёбы в городе, за которую заплатили немислимые деньги, совсем наглая стала.

Пир тем временем продолжал набирать обороты. Музыканты заиграли бодрый мотив, и несколько пар вышли в центр, чтобы потанцевать. Атмосфера была тёплой и радостной, полной искреннего веселья. Лин Мэй, откинувшись на спинку стула, с удовольствием наблюдала за танцорами.

Сяо Цинь снова поднялась после того, как очередная партия была отыграна музыкантами.

— Музыка — душа праздника! Но что за пир без настоящей гармонии? Я исполню для всех «Журавлей над нефритовым озером».

Она повернулась к Лин Мэй.

— А ты ведь тоже музыке училась? Подыграешь?

Лин Мэй не хотелось вставать и уж тем более оказаться в центре всеобщего внимания, но и открытым отказом оскорблять хозяйку вечера не стоило. В голове засела мысль, что с приездом Сяо Цинь, спокойная жизнь в деревне окончена.

— Конечно, — сказала она вслух и повернулась к Ши Фэну. — Моя флейта дома, на полке у окна.

Ши Фэн кивнул, и через несколько мгновений из темноты за дверью в его протянутую руку влетела простая бамбуковая флейта. Лин Мэй подошла к Сяо Цинь, что устроилась за цинем, и сказала:

— Начни, я присоединюсь.

Пальцы коснулись струн, и зазвучала сложная, виртуозная мелодия. Утончённая и строгая, словно картина, нарисованная тушью на шёлке. Лин Мэй закрыла глаза и начала играть. Она не повторяла мелодию, а вторила ей, словно эхо, идущее с горных склонов, окружая кристальную точность тёплым дыханием леса, шелестом крыльев и рябью на воде озера.

Когда последняя нота растворилась в воздухе, амбар взорвался аплодисментами. Сяо Цинь медленно поднялась, старательно натягивая улыбку. Новые жители были весьма занятыми. Ши Фэн оказался даже лучше, чем она себе представляла, но не клюнул на публичную лесть. А Лин Мэй вместо того, чтобы посредственно сыграть незнакомую мелодию, сделала так, что аплодисменты стали общими.

— Bravo, Лин Мэй! — сказала Сяо Цинь. — Вот что значит подлинное чувство! Цинь лишь наметил канву, но именно твоя флейта вдохнула в музыку душу.

Лин Мэй почтительно кивнула в ответ и отправилась на своё место, ощущая смущение. Как только она села, Ши Фэн поднял кувшин с вином, и он застыл над её пиалой в немом вопросе.

— Фэн-Фэн, — Лин Мэй прикрыла чашу ладонью. — Ты решил меня напоить? Признавайся, что задумал.

— А может, я просто хочу услышать, как ты утром будешь ворчать, что солнце слишком яркое, а птицы слишком громкие. Мне твоё ворчание нравится.

— Лжец! В последний раз, когда я пила... всё закончилось разговорами по душам с тобой на крыше монастыря и игрой на флейте. Ты что-то задумал!

Ши Фэн не ответил сразу. Посмотрел на неё, и на мгновение его лицо стало серьёзным, почти задумчивым. Лин Мэй уже пожалела, что ляпнула. Но он улыбнулся.

— Тогда, может, сразу на крышу? Я принесу вино, ты — флейту. Будем смотреть на звёзды, а если соседи будут возмущаться — скажем, что это древний ритуал благословения новой крыши.

— О, древний ритуал! А как мы его назовём? Танец пьяной сороки на соломенной кровле?

— Танец двух сорок, которые наконец-то свили гнездо, — поправил он, положив ладонь на её руку. — Или ты предпочитаешь Церемонию совместного падения в стог сена?

— Второе звучит заманчивее.

Пир постепенно шёл к завершению. Свечи догорали, а вместе с ними угасало и всеобщее веселье. Деревенские, один за другим, начинали расходиться по домам, обмениваясь на прощание тёплыми пожеланиями. Усталость долгого дня и вечера начала брать своё. Лин Мэй зевнула и потерла виски, а её плечо само собой прижалось к Ши Фэну.

Он приобнял её, чтобы дать опору, и кивнул мельнику с дочкой:

— Спасибо за праздник. Нам пора.

Лин Мэй шла, почти не открывая глаз, целиком полагаясь на его надежную поддержку. Ши Фэн одной рукой открыл дверь и уложил её на постель. Лин Мэй что-то прошептала, повернулась на бок и почти мгновенно погрузилась в глубокий сон. Ши Фэн поправил одеяло, а затем лёг на свою кровать.

Среди ночи Лин Мэй резко села на постели, сердце колотилось, выпрыгивая из груди. Прерывистый вдох застрял в горле, зажатый остатками кошмара — всполохи демонической энергии, вырывавшиеся из её тела. Она сжала виски, выдавливая из головы второй страшный образ — маленького Ши Фэна, что всё это впитывал с потом на лбу. Она попыталась вдохнуть, но лёгкие не слушались.

— Мэй?

— Всё хорошо!

Она попыталась лечь обратно, но ноги уже подняли её с кровати, игнорируя просьбы разума. Босые ступни застучали по полу. В темноте пальцы нашли его плечо — холодные, дрожащие. Ши Фэн сразу притянул её к себе, крепко обнимая. Ладони упёрлись в грудь, пытаясь нащупать биение его сердца, убедиться, что он здесь. Она уткнулась в шею и глубоко вдохнула, убеждаясь, что всё это осталось в прошлом.

— Хватит, я больше не могу слушать, как ты просыпаешься среди ночи от кошмаров чуть ли не через день.

— Прости, — прошептала Лин Мэй.

— Глупая! За что ты опять извиняешься?

Она не знала, что ответить. Как объяснить, что она извиняется за то, что снова нуждается в нём? За то, что он опять не спит из-за неё? За то, что они столько пережили, чтобы избавить её от проклятия, но понятия не имели, что это не конец проблем? За то, что ей стыдно из-за этого всего?

Ши Фэн положил большую, тёплую ладонь на её щёку и осторожно погладил большим пальцем.

— Просто спи со мной, всегда. Если тебе так спокойнее.

Лин Мэй, дрожа всем телом, обвила его шею руками и прижалась ещё ближе, будто пыталась раствориться в нём. Дыхание сбивалось, касаясь кожи. Ши Фэн начал гладить её по спине — медленно, тяжело, уверенно.

— Я рядом, — тихо сказал он. — Мы дома, всё хорошо.

Он ощущал её дрожь и должен был чувствовать жалость, грусть, но вместо этого пришла радость, что незамедлительно привела за собой чувство вины.

Дрова в очаге тихо потрескивали, Лин Мэй продолжала мелко дрожать. Ши Фэн зажмурился, отгоняя воспоминания, но память не слушалась, рисуя перед глазами вечер, когда он впервые осознал слова монаха: «Твоя задача удержать на плаву то, что останется».

Ночь, потрескивание костра. Они только выбрались из Долины. Он ворочался в полудрёме и никак не мог найти хоть какую-то позу для сна, чтобы не ныли раны. И её хрипкое, тихое: «Я же должна бояться... почему не страшно?» Он сначала подумал, что она это во сне. Но понимание, что после отделения проклятия она не знает, что чувствует, заставило открыть глаза и ужаснуться.

Она сидела с дао у шеи и медленно водила им, не оставляя следов, но от её вида руки похолодели. Он не стал проверять, что она будет делать дальше. Вырвал меч, отбросил его подальше и прижал её спиной к себе. Ему хотелось орать, что она — дура. Но вместо этого он шептал на ухо все слова успокоения, которые только приходили на ум. Он не помнил, что говорил. Что-то о том, что она не одна, что он рядом, что они справятся. Правда, в последнем он был уже не уверен. Она не сопротивлялась, не плакала. Просто в какой-то момент перестала дрожать и обмякла в его объятиях, как тряпичная кукла. Не потому, что он сказал что-то важное, а потому что устала бороться с собой.

Ши Фэн открыл глаза. Он и сейчас не был уверен, что справится. С тенями прошлого, что в любой момент могли прийти за их жизнями. И с последствиями пережитого, что осели в душах обоих. Но её щекотное, тёплое дыхание на шее напомнило, ради чего стоило не сдаваться. Он аккуратно поцеловал уснувшую Лин Мэй в макушку и вновь закрыл глаза.

Глава третья

Сонная Лин Мэй почти выползала из дома, с усилием переставляя заплетающиеся ноги. Но крепко держала ножны с цзянем. Ши Фэн стоял посреди двора, скрестив руки на груди. И не знал, то ли смеяться, то ли плакать от этого зрелища. Но ни смотря ни на что, он не собирался давать ей поблажек.

— Готова?

Она подошла и заняла стойку. Защита, атака, техники. Ши Фэн внимательно следил за каждым её движением, комментируя, ругаясь, поправляя. Он постепенно закипал, потому что каждая ошибка в реальном бою могла стоить ей жизни.

— Я чаю успею попить, пока ты разворачиваешься!

— Это что, новая техника? Дохлый феникс?

— Да к д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.